

First, it is chaotic "fractionality" of social irregular fragments. These processes we observed during the revolutionary events and the formation of self-similar structures of civil resistance.

Secondly, the formation of self-similarity in both horizontal planar direction, is determined by two processes. On the one hand, it is pertiling, covering certain areas of relations with similar frames, patterns, stereotypes (mythologems, teologems, ideologems, tehnologems, these are the integrity of myth, religion, ideology and technology that self-replicate). On the other hand, it is scaling, zooming toward the micro - meso - macro - mega levels or in the opposite direction. This may include scaling as one (pertiling) and several zoom levels as well as all of them.

Third, the processes have repetitive, cyclical, iterative and recursive characteristics. This iterative nature of the process is directly related to pertiling, and recursive nature determines scaling as a function of reproducing itself, and the process plays itself internally even when zoomed. Repeating and cyclical nature already does not define spatial (both recursive and iterative processes) domination, but determines the time indication, and sequence.

Fourth, fractal approach regarding social processes aims to study "space" chaotic processes in "time". That is why it has heuristic potential in the study of chaotic social structure, topology, social landscape, dialectics of local and global, architecture and architectonics in social relations.

Fifth, fractal approach has the potential in the study of self-similarity of total and a share in social relations, chaotic and random processes.

Sixth, bearing in mind the observations of the fine structure of Faulkner fractal, details of which are fairly small scale, in social processes the studies may reflect the collective at the level of the individual, the archetypes of the collective unconscious (Carl Jung), the codes of collective and individual positions of social and public opinion. In our view, this issue is revealing the biography of ideas of "sustainable human development" and "human development index" and philosophical ideas of Scipio the Younger's philosophical circle that formed the ideologem "dignity" in Roman philosophy.

Seventh, in our opinion, fractal processes are advisable to study in the dialectic of attraction and repelention which determines attraction, repulsion and distance of social relations in the structure and has its own problems in social research in dichotomies of solidarity and alienation, anomie and inclusion and others.

These attributions in their integrity determine the limits of the subject field of social fractal theory.

Keywords: social fractal, scaling, self-similarity, iteration, repetition, pertiling, attraction, repelention.

УДК: 323

ДОДОНОВ Р.А.

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии

Донецкого национального университета (г. Винница, Украина)

e-mail: dodonovr@mail.ru

ДВЕ СТРАТЕГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

Аннотация

Статья посвящена осмыслению существующего мирового опыта по разработке стратегий выхода из межнациональных конфликтов. В зависимости от сохранения или не сохранения территориальной целостности страны выделяются «приднестровская» и «чеченская» стратегии. Хотя в настоящий момент в Украине преобладают «приднестровские тенденции», чреватые отделением Донбасса, более желаемым является «чеченская модель», суть которой заключается в сохранении территориальной целостности посредством продуманной и целенаправленно осуществляемой государством политикой замирения. Доказывается, что процесс замирения жизненно необходим для социального и духовного здоровья нации, без него возможны рецидивы конфликта.

Ключевые слова: Украина, Донбасс, конфликт, замирение, Приднестровье, Чечня, стратегия.

Минск, 12 февраля 2015. Изнурительные многочасовые переговоры в «норманском формате» завершаются подписанием соглашения о прекращении огня на Донбассе, отводе тяжелой техники и

ряде других мероприятий, последовательно ведущих к выходу из «горячей фазы» восточно-украинского конфликта. Оптимистические оценки в прессе результатов Минска-2, как стали называть этот саммит, достаточно быстро сменились разочарованием. Ведь последовавший практически во время переговоров ввод в Украину десятков российских танков, наступление ополченцев и вывод частей ВСУ с Дебальцевского выступа, непрекращающаяся канонада под Донецком и атаки под Мариуполем в значительной мере нивелируют достигнутые соглашения. Обе стороны не доверяют друг другу, продолжают вести информационные войны и стремятся максимально эффективно использовать затишье для перегруппировки и наращивания сил.

Интуитивно ощущая тупиковость сложившейся ситуации, интеллектуалы с обеих конфликтующих лагерей ищут оптимальные пути разрешения конфликта на Донбассе, разрабатывают стратегии и «дорожные карты», ведущие к завершению братоубийственной бойни. В данной статье хотелось бы обратить внимание на тот важный момент, что акт прекращения огня будет необратимым лишь в том случае, если он будет сопровождаться процедурой реального замирения сторон.

Термин «замирение» встречается в исторической литературе в различных контекстах. Например, знаменитый поход персидского царя Дария на скифов оправдывался целью «замирения Степи». В наше время тоже случались «операции по принуждению к миру», но к действительному замирению народов между собой они не приводили. Скорее, наоборот.

С точки зрения этимологии, слова «замирение», «примирение» означают движение в сторону мира, переход к миру. Но есть нюансы. В отличие от «при-мирения», которое указывает на поверхностное, не до конца законченное действие, приставка «за» свидетельствует о доведении до результативного завершения действия, названного производящим словом. Кроме того, «примирение» происходит, скорее всего, стихийно и предполагает участие всех сторон конфликта; «за-мирение» отличается большей активностью одного из субъектов, который проводит целенаправленную и продуманную политику по укреплению мира. Его оппонент может быть менее заинтересован в этом и даже пассивен.

Мы будем употреблять понятие «замирение» для обозначения всего комплекса мер информационного, социального, политического, гуманитарного характера, проводимого государством в постконфликтный период для адаптации участвовавших в нем сторон к мирной жизни [1]. Именно в таком значении термин «замирение» употребляет в своих работах экс-министр РФ по делам национальностей, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков [2].

Всеми известен красивый ритуал североамериканских индейцев, закрепляющий выход из состояния войны и переход к миру: вожди и старейшины противоборствующих племен собираются вокруг костра совета и выкуривают общую «трубку мира». Они произносят примирительные речи в адрес вчерашних врагов и клянутся вечно жить в мире. В нынешних условиях просто «выкурить трубку мира» уже недостаточно. Даже после подписания соглашения о прекращении огня, инерция агрессии не преодолена, заряд ненависти не израсходован.

Начальник российского Генерального штаба В. Герасимов отмечает, что в современных войнах гибридного типа соотношение собственно военных акций к невоенным методам борьбы составляет 1:4. Иными словами, прежде чем заговорят пушки, проводится большая подготовительная работа: формируются коалиции и союзы, в стане противника взращивается политическая оппозиция, оказывается политическое и дипломатическое давление, задействуются санкции вплоть до экономической блокады, в идеале происходит смена военно-политического руководства. На всех этапах ведется жесткое информационное противоборство, включающее манипуляцию исторической памятью, дезинформацию, провокации, шантаж. «В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному нам шаблону» [3, с.2]. Мы видим, что в состоянии войны народы втягиваются постепенно, с использованием специальных манипулятивных технологий.

Поэтому очевидно, что и для выхода из состояния войны необходимо применить не меньшие, а, возможно, и гораздо большие усилия, многократно превосходящие указанную пропорцию 1:4. Ведь замирение – это не только декларация президентов и дипломатов, но и сложный и противоречивый процесс взаимных уступок на всех уровнях. Это поиск компромиссов, поиск путей нравственного оправдания позиций не только победившей, но и проигравшей стороны. Замирение – это искусство жить вместе тех, кто еще вчера полностью исключал такую возможность.

Стратегия замирения – длительный и затратный для бюджета страны процесс, но проводить ее жизненно необходимо. Без этой долговременной стратегической линии возможны рецидивы конфликта, которые могут свести на нет все промежуточные успехи и достижения. История

свидетельствует, что если воевать мы кое-как научились, то опыт замирения у нас мизерный. Российская империя, а затем и Советский Союз, выходя из войны победителем, стремились к полному уничтожению противника, а в случае поражения – не смирялись, но копили силы для последующего реванша.

Так, например, Гражданская война в России не ознаменовалась после ее окончания духовной переориентацией общества в сторону мира. «Красные» победили, «белые» были разбиты, интервенты изгнаны, но мир не наступил. Напряжение не спало, побежденные не знали милости. Заинтересованная в тотальной мобилизации народа на свершение планов по строительству социализма партийно-советская элита тут же устроила охоту на многочисленных «врагов народа», «неразоблаченных» и «неразоружившихся». Волна за волной накрывали партийный и управленческий аппарат бесконечные чистки. Коллективизация и индустриализация, стройки первых пятилеток осуществлялись на фоне непрекращающейся классовой борьбы. Возникшая в годы диктатуры пролетариата репрессивная машина раскручивала свой маховик, вовлекая в жернова ГУЛАГа все новые и новые слои населения.

В отличие от Соединенных Штатов Америки, которые тоже прошли через кровопролитную Гражданскую войну 1861-1865 годов, но постепенно смогли преодолеть глубокий внутренний раскол на «северян» и «южан», Советская Россия не проводила целенаправленной политики замирения. Более того, апофеозом латентно продолжающейся войны стал «теоретический» вывод И.В. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет не ослабевать, а только усиливаться. Вычистив страну от «классово чуждых элементов», а затем – и от всех инакомыслящих, большевики перекинулись на соседние страны: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, чем обеспечили социальную базу национализма в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине. И жители Львова, с цветами встречавшие «освободителей» в 1939-м, вкусив на себе все прелести «усиливающейся классовой борьбы», массово уходили в леса, пополняя ряды мельниковцев и бандеровцев, мстили за разрушенные судьбы.

Рецидивы незакончившейся гражданской войны в России дали себя знать во времена Великой Отечественной в виде огромного количества коллаборационистов. И даже после более-менее спокойных десятилетий «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» историческая память незамиреного общества при каждом удобном случае подпитывала обиду и злость. В частности, российский политик С.Б. Станкевич, отвечая на вопросы о годовщине августовского 1991 года путча, заявил: «В России не закончена гражданская война. Она продолжается. Хотя нет видимых баррикад и реальных танков, но люди до сих пор готовы убивать друг друга по идейным соображениям. Дай им волю, начнут прямо сейчас. Отсюда и отношение к августу – оно формируется сквозь призму гражданской войны. «Красные» не ходят на праздники «белых» и наоборот» [4].

Нынешнее противостояние на Донбассе также можно легко интерпретировать, помимо прочего, в терминах парадигмы «неоконченной гражданской войны». По сути дела, речь идет о скрытой и затяжной болезни общества, и потому замирение после конфликта, войны, агрессии является необходимой для социального здоровья процедурой.

Сегодня пока еще сложно даже представить, когда этот процесс может начаться – столь глубока пропасть между «Мы» и «Они», вырытая средствами массовой информации. Те, кто старательно ее углублял, растравливал в народе ненависть, апеллируя к давно канувшим в небытие образам фашистов и бандеровцев, кто придумывал всех этих «рабов», «распятых мальчиков», «расстрелянных снегирей», «изображение Гитлера на тысячегривневой купюре», не отдавали себе отчета в том, какую рану они оставят в душах людей и сколько времени будет необходимо для того, чтобы ее залечить. У них просто были другие цели. И очевидно, что противоположной по содержанию процедурой замирения будут заниматься не они. Возможно также, что для окончания таковой необходима будет полная смена поколения.

Знакомство с историческим опытом разрешения многочисленных межнациональных конфликтов позволяет сделать вывод о том, что в основе этого процесса лежат две противоположных по направленности стратегии. Первая из них направлена на кардинальное разведение, разграничение конфликтующих сторон, вторая – на минимизацию противостояния через замирение.

Реализация первой стратегии предполагает, что в ходе конфликта и Центру, и мятежным регионам удалось сохранить за собой более или менее крупные районы страны, способные к самостоятельному общественному воспроизводству. Разумеется, речь идет о распаде существовавшего до конфликта государства, возникают новые государственные образования. Как правило, Центр, выступающий правопреемником доконфликтного государства, получает признание мирового сообщества, а в сепаратистских районах возникает «серая зона» с весьма проблемными

перспективами ефективного розвитку. Еталоном данної моделі виступає Республіка Молдова, із складу якої внаслідок війни виділилась Молдавська Придністровська республіка (МІР). Єдине раніше політичне простір отримало різні цивілізаційні «поліси тяготення»: Кишинів орієнтується на Румунію, а через неї – на Європу, в той час як Придністров'є – на Росію, без військової, фінансової і економічної допомоги якої воно вряд ли би просуществовало стільки довгий період. С деякими оговорками к данній моделі слідует отнести все конфлікти, оканчиваються утратой територіальної цілостности країни, включаючи Югославію, із складу якої вийшли нові балканські держави (Словенія, Боснія, Хорватія і проч.); Азербайджан, утративший райони Нагорного Карабаху; Грузію, втрапившу Абхазію і Южну Осетію і проч.

Вторая стратегія строится на посылке, что Центру удастся преодолеть конфликт, не теряя окончательно мятежный регион. После активной фазы конфликта наступает период адаптации обеих сторон к новым условиям, требующий сознательных обоюдных усилий по решению целого комплекса политических, экономических, военных, социальных, гуманитарных проблем. В качестве эталона данной модели следует указать на Чеченскую Республику, которая после двух кровопролитных войн с Россией так и осталась в составе Федерации.

Как известно, вторая чеченская война закончилась военным поражением повстанцев. Когда это стало очевидным, некоторые наиболее прагматичные чеченские лидеры высказали свою готовность сотрудничать с Москвой. Тогда же, в начале 2000 годов были приняты несколько масштабных федеральных целевых программ (ФЦП), направленных на восстановление разрушенного войной хозяйства Чечни. В частности, на реализацию ФЦП «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)» из федерального бюджета выделено 41 540,47 млн. рублей⁸. Главным результатом реализации данной программы, как нам представляется, было превращение ранее мятежных горцев, непримиримых борцов за свободу Ичкерии, как минимум, в лояльных Кремлю кадыровцев. И если быть до конца честными, в общероссийском разделении труда чеченцы занимают ниши, связанные, в первую очередь, не столько с созданными в ходе реализации названных программ рабочими местами, сколько с полицейской службой, охранним бизнесом, наркоторговлей, рэкетом и откровенным грабежом, что мы и наблюдаем сегодня в Крыму и на Донбассе.

Итак, в названных выше двух стратегиях процесс «замирения» обеспечивается либо путем создания границ и разведения-изоляции конфликтующих сторон, либо путем подкупа элиты и воссоздания социальной базы для мирного развития региона. Фактически ситуация на Донбассе пока что развивается согласно первой – «Придністровської» – стратегії. Об этом свидетельствует провозглашение новых государственных образований – ДНР и ЛНР, создание ими ополчения, вступившего в войну с «киевской хунтой» при активной поддержке РФ, проведение в республиках референдумов и выборов в верховные органы власти. Киев в ответ на открытое разграбление государственного имущества на Донбассе принимает решение о прекращении деятельности на неподконтрольных территориях учреждений, в том числе финансовых, останавливает обслуживание банковских счетов предприятий и населения в зоне АТО, прекращает движение поездов, всячески стимулирует эвакуацию организаций и отдельных лиц, наконец, вводит существенные ограничения для свободного перемещения граждан между Украиной и непризнанными республиками.

Углублению наметившейся таким образом «придністровської стратегії» будут содействовать: установление границ с введением особого пограничного и таможенного контроля, отключение украинских операторов мобильной связи, внесение отметок в паспорта жителей Донецка и Луганска об их новом «гражданстве» или, как вариант, вообще обмен паспортов, переход на расчеты в рублях или введение собственной валюты, выплата в ней задолженностей по зарплате и т.п. В случае внедрения этих мер со стороны ДНР/ЛНР Киев не только не будет им препятствовать, но даже усугубит ситуацию встречными шагами в том же направлении, запретив, например, въезд на свою территорию хозяевам новых паспортов. В результате отказа Киева «бороться» за свои восточные

⁸ В рамках федеральной программы были восстановлены или введены в эксплуатацию 5 473 объекта: жилые дома общей площадью 679,1 тыс. кв. метров, 71 школа на 23 521 ученическое место, 70 учреждений здравоохранения на 9 750 коек и 10 785 посещений, 6 учреждений социального обслуживания населения, 7 объектов полиграфии и печати, 48 километров магистральных теплотрасс, 201 трансформаторная и распределительная подстанция и более 484 километров электрических сетей, 5 промышленных предприятий с объемом производства 458,7 млн. рублей, 428 объектов связи, 4 предприятия стройиндустрии и 23 предприятия агропромышленного комплекса. Созданы 21 316 рабочих мест, в том числе 9 700 – в строительстве, 6 752 – в здравоохранении, 2 104 – в образовании, 1 186 – в промышленности и 1 574 – в агропромышленном комплексе [5].

регионы на гуманитарном, экономическом, социальном фронте миллионы украинских граждан, до поры до времени лояльных Центру, отвернутся от киевской власти, отдавшись «на милость победителя». И тогда на Донбассе возникнет «новое Приднестровье» – серая зона с фейковой государственностью, высоким уровнем криминала, неизменно агрессивная и враждебная, неизвестно кем финансируемая и неизвестно за счет чего выживающая. Разве это является конечной целью украинских властей?

Даже признавая естественное нежелание финансировать неподконтрольные территории, вряд Киев мечтает о легитимации ДНР и ЛНР. Ведь там не могут не понимать, что после этого сразу встанут на очереди Харьковская, Днепропетровская, Одесская и прочие «народные республики». Как нам представляется, более предпочтительным в данной ситуации выглядит «чеченская стратегия», согласно которой искомый мир хоть и «оттянут» во времени, но выглядит более надежным.

Предложение пойти по «чеченскому варианту» было сделано В.В. Путиным непосредственно П.А. Порошенко во время австралийского саммита, но было отвергнуто. Критикуя отказ Украины выплачивать пенсии украинским гражданам на территории ДНР и ЛНР, российский президент назвал это ошибкой и напомнил, что Москва «даже в самые тяжелые дни» не прекращала финансирование Чеченской республики, и это в итоге дало положительные результаты. Здесь, однако, надо учитывать два важных обстоятельства, коренным образом отличающих ситуацию в Чечне и на Донбассе.

Во-первых, «чеченский вариант» стал возможным благодаря победе Центра над мятежным регионом, лоялистов и федералов – над сепаратистами. Москва находилась на пике военных успехов, и ее политика в Чечне проводилась с позиций силы. Государственная граница была перекрыта, в Грозном и других городах располагались крупные гарнизоны федеральных сил, российская авиация господствовала в воздухе. Сама сущность «чеченской стратегии» в том и заключается, что удержавший мятежный регион Центр стремится к его замирению в экономическом, социальном, гуманитарном отношениях. Так ли обстоит дело на Донбассе? Однозначно – нет. Киев не контролирует ни значительного протяжения украинской границы, ни территории нескольких районов восточных областей. Потеря Украиной двух областных центров Донбасса, наступление ополченцев и российских «добровольцев» на Новоазовск и Мариуполь в августе 2014-го, «котел» под Иловайском, позже – уничтожение Донецкого аэропорта, отвод войск с Дебальцевского выступа – все это никак не может свидетельствовать о победоносном для Киева ходе конфликта. Если уж и проводить аналогии с Чечней, то только с августом 1996 года, когда сепаратисты захватили и удерживали Грозный. Тогдашний Президент России Б.Н. Ельцин распорядился вывести федеральные войска с территории Чечни и начать переговорный процесс. Результатом последнего были Хасавюртские соглашения, ставшие символом военных неудач России на Северном Кавказе.

Во-вторых, «чеченский вариант» не предполагал существования на территории России каких-либо государственных образований, проводящих сепаратистскую политику и тем более вынашивающих планы «похода на Москву» при активной поддержке враждебной сверхдержавы. На всей территории Северного Кавказа был установлен конституционный порядок, и Чеченская Республика полностью находилась в правовом поле Российской Федерации. В нашем случае происходит нечто прямо противоположное: мятежные республики не скрывают своих наступательных замыслов, заявляют о выходе за пределы конституционного поля Украины, устанавливают свои законы и откровенно поддерживаются Кремлем, очевидно, им же и финансируются. Лидеры независимого Донбасса – вне зависимости от законности их избрания, вольно или невольно всегда будут марионетками Москвы. Вопрос о рентабельности базовой для региона угольной промышленности и раньше был проблематичным, а без поддержки Киева и дополнительных инвестиций эти районы на долгие годы превратятся в «серую зону». Намерение В.В. Путина превратить их в «черную дыру», поглощающую деньги из украинского бюджета, вряд ли может быть реализовано, хотя бы потому, что у П.А. Порошенко нет таких возможностей, которые предоставляет России ее нефте- и газодобывающая промышленность. Как отмечает Михаил Минаков, лоббирование Путиным «чеченского варианта» для Украины есть ни что иное как «принуждение к мягкому варианту капитуляции перед повстанцами и поддержавшей их Россией. Украинские политики сознают, что подписание «нового Хасавюрта» не только грозит их собственной карьере, но и приведет к разжиганию аппетитов сепаратистов и росту центробежных тенденций на востоке страны» [Цит. по: 6].

Иначе говоря, эксперты склоняются к мысли, что целью Кремля в восточно-украинском конфликте является перманентная дестабилизация ситуации, и «чеченский вариант» – оптимальная легализованная версия такой дестабилизации. На наш взгляд, за этим верным, но глубоко ситуативным выводом теряется то конструктивное начало «чеченской стратегии», которое составляет

ее сущность, а именно – сохранение территориальной целостности страны и процесс замирения. «Русская весна» на Донбассе и стала-то возможной после аннексии Крыма, а получи самостоятельность еще и Донбасс, где гарантия, что на этом закончится парад «народных республик»?

Если Украина в отношении Донбасса все же выберет не «приднестровскую», а «чеченскую» стратегию разрешения конфликта, то нам всем следует запастись терпением и мудростью, поскольку процесс замирения не может быть быстрым и безболезненным.

Такой процесс необходимо будет начинать издали, исправляя те перекосы в восприятии Донбасса массовым сознанием украинцев, которые формировались задолго до Майдана и «русской весны». Практически на каждые выборы отдельные политические силы шли под лозунгом «особенности», «исключительности», как минимум «непохожести» жителей Донбасса на жителей центральной и западной Украины. Безусловно, реальные основания для региональных особенностей украинцев существуют, но над ними надстраивался куда более мощный пласт мифологем. Культивация этих мифов стала той благоприятной почвой, на которой произрастали предвыборные программы подчас полярных политических партий. Одни шли под лозунгами «Солнце Украины встает на Донбассе» и «Донбасс порожняк не гонит», другие – с призывами «Бандитам – тюрьмы!» и требованиями обнести всю область колючей проволокой. Встречались и «научные» обоснования аксиологической несовместимости западных и восточных украинцев (П.П. Толочко, В.А. Волга). Спекуляции на эту тему достаточно быстро переросли из безобидных анекдотов в идеологию ненависти, в значительной мере питающей восточно-украинский конфликт.

Поэтому первым шагом в стратегии замирения является отказ от использования в борьбе за электорат разделения граждан Украины на первосортных и второсортных.

В качестве следующего шага правительство Украины должно внятно обозначить свои цели и планы в отношении Донбасса. Оно, по мнению Евгения Шибалова, может сказать: «Мы воюем до победы, пока ДНР, ЛНР и все их формирования не будут полностью уничтожены». Или: «Хорошо, мы увидели, что вы не с нами, мы берем курс на отделение этих территорий». Или: «Мы принимаем политический план реинтеграции, мы выдвигаем единственное условие – сохранение территориальной целостности, а все прочее – статус региона, автономия, его языковые, культурные, экономические права – готовы обсуждать» [7]. Разумеется, для стратегии замирения более всего подходит последняя позиция, хотя на сегодняшний день мы вынуждены констатировать, что четкого видения будущего послевоенного Донбасса у Киева нет. Те мессиджи, которые доходят до населения, свидетельствуют о сильном влиянии в высшем эшелоне киевской власти субъективных факторов: сказываются старые обиды, желание поквитаться. И в тоже время – рациональное понимание безысходности. Отсюда и шараханье в стратегической сфере, помноженное на отсутствие реальной оценки собственных сил и возможностей. Но определиться все же придется.

И тогда необходимо будет произвести «демонтаж из ментального пространства несостоятельных доктрин и проектов, с которых начинается насилие и которые порождают его новые циклы» [2]. Принимая «чеченскую стратегию» выхода из конфликта, мы должны прекратить разговоры о присоединении Донбасса к России, о Новороссии, ДНР и ЛНР как о неосуществившихся или не до конца реализовавшихся политических проектах, сосредоточившись на строительстве нашего общеукраинского дома. Перефразируя В.А. Тишкова, отметим, что независимость и самоопределение Донбасса – это разные вещи. Полная государственная независимость Донбасса от Украины невозможна по многим причинам, в частности потому что:

- этого, как показывают последние социологические исследования⁹, не желает большинство населения Донбасса, включая вынужденно покинувших его территорию;
- этого не желает большинство населения Украины¹⁰;
- в независимый Донбасс не вернется выехавшее в другие области Украины, в Россию и страны дальнего зарубежья население, без которого не может быть образовано легитимное государство;

⁹ Согласно проведенному в январе 2015 года фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» и Ukrainian Sociology Service опросу, лишь 20 % жителей Донецкой области хотели бы выйти из состава Украины и получить независимость, 15 % – присоединиться к другому государству. 58 % опрошенных хотели бы, чтобы Донбасс оставался в Украине: 30 % – в статусе автономного округа в составе федеративной Украины и еще 30 % – в составе унитарной Украины, но с большими полномочиями, а 2% устраивают нынешние полномочия регионов [8].

¹⁰ По данным того же социологического опроса, только 11,5 % украинцев не возражают, чтобы Донбасс вышел из состава Украины [8].

– невозможно обеспечить нормальные условия для восстановления экономики, если конфликт приобретет «замороженный» статус.

О самоопределении Донбасса, его формах и методах можно и нужно дискутировать. Очевидно, что тут необходимо будет идти на уступки всем – и Москве, и Киеву, и самопровозглашенным республикам. Представления, что в XXI веке политические цели можно достичь с помощью силы, являются опасными иллюзиями. Только диалог и толерантность обеспечат желаемый мир.

И здесь свою весомую роль могут сыграть представители «четвертой власти» – средств массовой информации. Они уже продемонстрировали свое могущество в разжигании розни, они же могут использовать имеющиеся в их распоряжении информационные технологии для пропаганды мира. Необходимо, чтобы люди поверили в возможность мира, чтобы о нем заговорили как о реальности. Ведь «само говорение на тему мирных дел и планов есть миростроительство» [2].

Подводя итоги сказанному, еще раз отметим, что вооруженный конфликт на востоке Украины рано или поздно завершится, но разрабатывать стратегии перехода к миру нужно уже сейчас. В настоящий момент преобладают «приднестровские тенденции», чреватые отделением от Украины, вслед за Крымом, еще и ДНР/ЛНР. Более желаемым для нашей страны является «чеченский сценарий», смысл которого состоит в сохранении территориальной целостности при расширении полномочий местных властей. Процесс «замирения», так необходимый для социального и духовного здоровья нации, будет тем эффективнее, чем раньше он начнется. О конкретных формах послевоенного устройства страны можно дискутировать, главное, чтобы этот диспут состоялся, чтобы наши вожди не утратили окончательно возможность раскурить пресловутую «трубку мира».

Список ссылок

1. Додонов Р.А. Процесс замирения в Украине: Приднестровский и Чеченский варианты / Р.А. Додонов // Восточноукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций. – Киев: ООО «Східний видавничий дім», 2015. - С.240-256.
2. Тишков В.А. Как предотвратить третью чеченскую войну? [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // Адрес доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_predot.html
3. Герасимов В. Ценность науки в предвидении / В. Герасимов // Военно-промышленный курьер. — 8(476) 27 февраля 5 марта 2013. — С.5. С.2-3.
4. Блог российского Союза правых сил [Электронный ресурс] / С.Б. Станкевич // Адрес доступа: // http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=10878&PHPSESSID
5. Постановление Правительства РФ от 21.12.2001 N 889 О Федеральной целевой программе «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)» [Электронный ресурс] // Адрес доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-akty/b3k.htm>
6. От редакции: Донбасс не Чечня // Ведомости [Электронный ресурс] // Адрес доступа: <http://www.vedomosti.ru/persons/>
7. Життя в ізоляції. Сьогоднішній Донецьк в розповіді волонтера Євгена Шибалова [Електронний ресурс] / Титуш Галина // Адреса доступу: <http://life.pravda.com.ua/society/2015/03/3/190090/>
8. Донбасс хочет остаться в составе Украины, – опрос [Электронный ресурс] // Адрес доступа: <http://focus.ua/country/323691/>

References

1. Dodonov R. The process of reconciliation in Ukraine: Transnistrian and Chechen options / The East conflict in the context of global transformations. - Kiev: Shidny vidavnichy Dim, 2015. - S.240-256, (rus).
2. Tishkov V. How to prevent a third Chechen war? Available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_predot.html, (rus).
3. Gerasimov V. (2013), *Military Industrial Courier*, № 8(476)б 27 February – 5 March, pp. 2-3 (rus).
4. Blog Russian Union of Right Forces, S. Stankevich, available at: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=10878&PHPSESSID
5. Government Decree of 21.12.2001 N 889 on the Federal target program "Restoration of economy and social sphere of the Chechen Republic (2002 and beyond)", available at: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-akty/b3k.htm>, (rus).
6. From the Editor: Donbass is not Chechnya, *Vesty*, available at: <http://www.vedomosti.ru/persons/>, (rus).

7. Life in isolation. Today's Donetsk in story of volunteer Evgen Shibalov, available at: <http://life.pravda.com.ua/society/2015/03/3/190090/>, (ukr).
8. Donbass wants to remain a part of Ukraine – a survey, available at: <http://focus.ua/country/323691/>, (rus).

ДОДОНОВ Р.О.

доктор філософських наук, професор,
завідувач кафедри філософії
Донецького національного університету (м. Вінниця, Україна)
e-mail: dodonovr@mail.ru

ДВІ СТРАТЕГІЇ ВИРІШЕННЯ КОНФЛІКТУ НА ДОНБАСІ

Анотація

Стаття присвячена осмисленню існуючого світового досвіду виходу з розробки стратегій виходу з міжетнічних конфліктів. В залежності від збереження або не збереження територіальної цілісності країни виокремлюються «придністровська» і «чеченська» стратегії. Хоча зараз в Україні переважають «придністровські тенденції», чреваті відділенням ДНР/ЛНР, більше бажаною є «чеченська модель», суть якої полягає у збереженні територіальної цілісності за допомогою продуманої і цілеспрямованої державної політики замирення. Доводиться, що процес замирення є життєво необхідним для соціального та духовного здоров'я нації, без нього можливі рецидиви конфлікту.

Ключові слова: Україна, Донбас, конфлікт, замирення, Придністров'я, Чечня, стратегія.

DODONOV R.

Honored Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Philosophy Department of
Donetsk National University (Vinnitsa, Ukraine)
e-mail: dodonovr@mail.ru

TWO STRATEGIES OF CONFLICT RESOLUTION IN THE DONBAS

Summary

The paper considers the existing world experience out of the ethnic conflict and the search for the best option for Ukraine. Depending on the save or not save the country's territorial integrity possible scenarios of conflict resolution are summarized in two strategies, tentatively called "Transdnistriean" and "Chechen" options.

The first strategy assumes that during the armed conflict, the central government, as well as the breakaway regions managed to retain more or less large areas of the country, capable of independent social reproduction. Of course, we are talking about the decay of the pre-conflict states, new public formations appear. As a rule, the center standing as the assignee of the pre-conflict state, is gaining recognition of the international community, and a "grey area" appears in the separatist regions with a very problematic prospects for effective development. The standard of this model is the Republic of Moldova, from which Moldovan Transdnistriean Republic (MTR) distinguished itself as the result of the war. Earlier united political space received various civilizational "poles of attraction": Kishinev is focused on Romania, and through it – on Europe, while Transdnistriean – on Russia, without military, financial and economic assistance of which it would hardly have existed for such a long period. With some reservations to this particular model all conflicts should be included, ending with the loss of territorial integrity of the country, including Yugoslavia, which new Balkan states came from (Slovenia, Bosnia, Croatia, and so on); Azerbaijan that lost the Nagorno-Karabakh districts; Georgia that lost Abkhazia and South Ossetia, and so on.

The second strategy is based on the premise that the central government manages to overcome the conflict, without losing the final breakaway region. After the active phase of the conflict, a period of adaptation on both sides to the new conditions comes, requiring significant and, more importantly, a conscious effort to address the whole range of political, economic, military, social and humanitarian problems. As a reference of this model the Chechen Republic should be indicated, which, after two bloody wars with Russia has remained in the Federation.

In fact, the situation in the Donbas is developing according to the Transdnistria scenario. This is evidenced by the proclamation of the new state formations – the DNR and the LNR, the establishment of their militia that went to war with the “Kiev junta” with the active support of the Russian Federation, conduction of the referendum and elections to the supreme authorities in the republics.

The “Transdnistria trends” currently dominate that are fraught with separation of the DNR/the LNR from Ukraine after the Crimea. A more desirable for our country is the “Chechen scenario”, the meaning of which is to preserve the territorial integrity at the expansion of the powers of local authorities. The process of “pacification”, so necessary for the social and spiritual health of the nation will be more effective as earlier it starts. The specific forms of the postwar country can be discussed; the main thing is that this debate will take place, that our leaders will not lose the ability to light this notorious “pipe of peace”.

Keywords: Ukraine, Donbass, conflict, pacification, Transdnistria, Chechnya, strategy.

УДК 316.37

ПАЛАГУТА В.И.

професор, доктор философских наук,
заведующий кафедрой инженерной педагогики
Национальной Металлургической академии Украины (г. Днепропетровск, Украина)
e-mail: palaguta@ua.fm

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Аннотация

В статье рассматривается формирование коллективной идентичности в контексте выявления и изучения базовых характеристик дискурсивных пространств – силового воздействия, позиционности, диспозиции, иерархичности, задающих социальную позицию в них субъекта. На основе концепции габитуса П. Бурдьё исследуются онтологические основания социально-дискурсивных полей. Решение вопроса – какова «природа» идентичности субъекта – коллективная или индивидуальная в данном концептуальном контексте демонстрирует её глубокую коллективистскую основу. Вместе с тем, само понятие идентичность не может в полной мере удовлетворять требованиям полноценного социального анализа и ориентирует на поиск новых концептуальных решений данного вопроса.

Ключевые слова: коллективная и индивидуальная идентичность, социально-дискурсивные пространства и поля, силовое воздействие, позиционность, диспозиция, иерархичность, габитус.

Современные бурные, стремительные и достаточно противоречивые социально-политические, социально-экономические и социально-этнические события в Украине как никогда заостряют проблему изучения условий и факторов формирования коллективной, прежде всего, национальной, идентичности среднестатистического украинского гражданина. Вопросы, которые очень многие граждане Украины сейчас себе задают, а именно: «Кто я?» по своей национальной, культурной, языковой принадлежности, или «К какой коллективной этнической общности я себя отношу?», «Как она сочетается с моей индивидуальностью, с историей и традициями моей семьи, моего рода и моими языковыми практиками?» становятся сейчас весьма злободневными. Они сейчас поднимаются не только в среде политиков, политтехнологов и масс-медиа, но и становятся предметом всестороннего изучения со стороны украинских учёных – обществоведов и гуманитариев. Следует признать, что эти и многие другие подобного рода вопросы требуют серьёзного междисциплинарного анализа и аналитически взвешенных ответов, ибо в ответах на них содержится ключ к объяснению целого ряда социально-политических, гуманитарных, межнациональных, межгосударственных проблем, до предела обострившихся в последнее время в Украине.

Так, в современной Украине основная направленность так называемого долгосрочного национального строительства ориентировано на создание цельной, монолитной нации с одним национальным языком – украинским, единой национальной украинской культурой, традициями и единой идентичностью. Но эта направленность существенно отличается от практики национального строительства, принятой в Европейском союзе, куда стремится со временем присоединиться и